

Scintillating baroque..

.. Serious **fun**

Director from the Continuo
Andrew Lawrence-King
Early Harps & Research

www.TheHarpConsort.com

Early Opera &
Historical Productions

Action! Action! Action!

Stefano Landi *La Morte d'Orfeo* Libretto Translation for Performers

ACT ONE

101 Teti Teti, queen of the sea, with a silver conch-shell in the golden waves, ploughs the liquid treasure of the river Ebro. How every shore listens to how the singing semi-god attracts them there – heaven, earth and the sea – with his lyre.

Ah, this – alas! What does my prophetic mind see? – is the last hour of the lyre and of the singing, and Orfeo will have to die. Not bitten on the foot like Euridice, but by the insane fury of women ripped to pieces.

Ah, will you suffer, woods, such a cruel spectacle, and one so fierce? Will you see it, heaven? Will you see it, father archer? [Apollo]. Will you see it, animals? Is there no escape from the hand of cruel Fate for Orfeo, loved by heaven to no avail.

I certainly don't want to suffer this. I will land on the earth and convey him in the breast of my royal rocks to the Tyrrhenian sea.

Тети, Моря царица
С серебряной ракушкой в волнах золотых
Бороздишь Эбро, текущую драгоценность
которого каждый к берегу стремится
С тех пор как пение полубога туда тянет
небо, землю, море его лирой

А это, увы (что видит мой ум прорицающий) последний час лиры и песни, ибо должен умереть Орфей, но не в ногу укушенный как Эвридика, но от безумной ярости женщины рассекшей его на части.

Ах, вы будете страдать, леса, от столь жестокого зрелища и такой ярости? Ты видишь, небо? Ты видишь, отец-лучник? Вы видите, звери? Не сбежит из рук своей судьбы? Орфей, небом без толку любимый?

Я уже страдаю, спускаюсь в землю и просачиваюсь в полости моих скал могучих на дне Тирренского моря.

102 Fato Go back, Teti, to the sea. Don't touch the land. For as a prophetic goddess today you are confused and wrong. Don't you know that unchanging destiny wants Orfeo to die today? Now be silent, go back; and he will die. For I see the command and these stars right now. Возвращайся, Тети, возвращайся в море. Не касайся земли. Твои

божественные пророчества сегодня запутанны и неверны. Не знаешь ты, что неизменная судьба желает сегодня смерти Орфея. Сейчас замолчи, ступай назад; а он умрет. Как я скомандую и звезды в этот час [выстроились].

103 Teti I go, alas! But you celebrate meanwhile, unlucky lyre-player, your birthday. And the cruel Parcae (Fates) cut the thread of destiny, so that crying comes to the party, the singing, and the laughter. Now who will not weep and go pale in the face? Я ухожу, увы, но вы празднуйте, меж тем, арфист несчастный, твой день рождения, рвите на себе одежды. И волосы под корень обрезайте. В рыдания превратился званый ужин с песнями и смехом. Теперь кто не плачет и не бледнеет лицом?

104 Hebro Leave, Diana, already the wandering stars, leave the nocturnal dances, already every glimmer has disappeared from heaven. You, shining and beautiful, walk alone along the ethereal streets. And you [Aurora], what are you doing? Aren't you getting up - oh! – aren't you getting up yet, mother and daughter of the sun, new Dawn? Ah, sleepy lights, get up already from the triumphal bed, from the soft lilies and tender roses. Don't you remember, don't you remember about Orfeo? Today is his birthday. To honour the illustrious semigod, heaven sends its gods, the earth is gilded with heavenly lights. So sleepy girl, get up already! Open already the Gates for the newborn day, for the lucky rays. Look, she is opening them! O what a happy, joyful destiny! Оставь, Диана, уже, эти бродячие звезды, уйди с полночных балов, уже каждый огонек погас в небе. Ты, сияющая и прекрасная, одна идешь по вечным путям. А ты (Аврора), что ты делаешь? Ужель ты не просыпаешься, - о! – ужель ты не просыпаешься еще, мать и дочь солнц, новый Рассвет? Ах, сонные лучи, вставайте уж с роскошной кровати, с мягких лилий и нежных роз. Не помнишь ли ты, не помнишь ли ты об Орфее? Сегодня его день рождения. В честь знаменитого полубога небо посылает свои дары, земля позолочена небесными огнями. Ну же, сонная девушка, вставай уже! Открой уже ворота для новорожденного дня, для счастливых лучей. Смотрите, она открывает их! Что за счастливая радостная судьба!

105 Euretti Up, up! From the East, all the little winds together, let's go outside to make the flowers happy again, for already close by is heard the neighing of Elio (mythical horse) and the noisy foot-stamping of Pireo (Trojan captain). Ну, ну! С Востока, все ветерки вместе, давайте выйдем, дабы осчастливить цнова цветы, ибо уже слышится близко ржание Элио (мистическая лошадь) и шумная поступь Пирео (троянский капитан)

106 Aurora Between waking up and still asleep, it seems that I hear the murmuring of golden waves of singing Hebro, complaining that I'm getting up too late. Где-то еще в дремоте, кажется, я слышала журчание золотых волн Эбро поющего, жалующегося, что я никак не проснусь.

107 Primo Euretto Don't you see there, don't you see? That the lights are fixed for us, and it seems that they are gilded by your rays into beautiful colours? Не видишь ты, не видишь? Для нас .... и кажется, что они раззолочены твоими лучами в прекрасные цвета.

108 Aurora Let's go down then, and carry heavenly flowers down to earth in a cloud. Let's just fill our laps full of them, for the birthday of a mortal god is worthy of superhuman honours. Спуститесь, так что, и небесные цветы принесите на землю туманную. Наполним ими подолы в честь дня рождения смертного бога, достойного сверхчеловеческой славы.

109 Terzo Euretto Let's carry flowers, no, but white pearls even more sweet to the taste than pure-white to look at. Let's carry to earth a noble imperial gift. Мы не принесем цветы, но белые жемчужины, что слаще на вкус любых конфет что вы видели. Принесем на землю благородный дар августа (месяца).

110 Euretti Have fun, mortals, and forget meanwhile, whilst we sing so sweetly, all your troubles. Веселитесь, смертные, и забудьте на время за нашим сладким пением и прелестью нашей все ваши горести.

111 Ebro Just descend, goddess, and let the day remain happy, as Orfeo sees his father's shining squadrons of beautiful rays. And now that day needs to be celebrated most happily by the air, heaven, the earth and the sea. Only we're waiting for the sign to be given by beautiful Aurora from the flowery kingdom. Спустись, богиня, и пусть день будет счастливым. Сойди, богиня, и пусть день будет счастливым, как только Орфей увидит своего отца в сияющем ореоле прекрасных лучей. И сейчас день этот должен быть отпразднован наисчастливейше воздухом, землей и морем. Лишь ждем мы, когда знак подаст прекрасная Аврора из своего цветочного царства.

112 Aurora Here I am ready to come out from the East. Because of me, all the delays are taken away. Let the hours pass happily, and you, my people, go singing and prepare the way for the sun. Go, my little winds, wake up the silent birds. And let the heaven remain without any stain of a cloud and without a veil. Ну вот я и готова прийти с Востока. Благодаря мне никто никакой задержки не будет. Пусть часы текут безмятежно, и вы, мои люди, идите петь и подготовьте путь солнцу. Идите, мои маленькие ветерки, пробудите немых птиц. И пусть небо будет без малейшего пятнышка облаков и без дымки.

113 Ebro We'll go to Orfeo, for already I'm drawn by the graceful power of his sweet harmony. Мы пойдем к Орфею, ибо я уже измучен нежной тиранией вашей сладостной гармонии.

114 Euretti While we are singing, far away go the unhealthy clouds. And let's not see around us any dark veil on such a happy day. And you, pretty little birds, in competition, sing throat-ornaments, chirping and singing the birthday of Orfeo, the glory of the singing semi-god. Пока мы поем, далеко уходите нездоровые тучи. И пусть не увидим мы в округе темной дымки в столь счастливый день. А вы, милые маленькие птички, соревнуясь, пойте трели, чирикавая и распевая о дне рождения Орфея, во славу поющему полубогу.

115 Primo Euretto I see a little cloud, insidious and proud, which obstinately and disrespectfully hangs around, and no-one gets angry about it. Now let's renew our singing, so that the dangerous cloud hides. Я вижу тучку, глупую и гордую, что кругами отчаянно бродит вокруг, и никто на нее не злится. Сейчас, давайте снова запоем, чтобы та страшная тучка скрылась.

116 Euretti Now let's renew our singing, so that the dangerous cloud hides. А сейчас давайте снова запоем чтоб та страшная тучка скрылась.

117 Secondo Euretto Now pure in every part the heaven shows itself and is gilded in a purple veil. From its heavenly stalk, all pompous to be admired, out comes the rose. And so that they can be more joyful in the tender south, let's return to our song. Сейчас, очищенное, небо предстает во всей своей красе и позолоченное, в пурпурной вуали. Из небесных просторов, помпезных и восхитительных, выходит роза.

118 Euretти And so that they can be more joyful in the tender south, let's return to our song. И чтоб им было хорошо на нежном юге, давайте вернемся к нашей песне.

119 Euretти While we are singing, night returns to the infernal caves. And the nocturnal monsters hide away quickly before heaven gilds itself. And you, pretty little birds, in competition, sing throat-ornaments, chirping and singing the birthday of Orfeo, the glory of the singing semi-god. Пока мы поем, нось возвращается в адские пещеры. И ночные монстры прячутся в спешке, до того, как небо раззолотится. А вы, милые маленькие птички, соревнуясь, пойте трели, чирикавая и распевая о дне рождения Орфея, во славу поющему полубогу.

120 Pastori Look, from the horizon the rays are coming out in bursts, to strike beautifully the most proud mountains. And when, horrible and black, the clouds shake with lightening and thunder, it's always the highest peaks that take this fury's first assaults. Смотрите, на горизонте выплескиваются лучи ... дабы украсить величественные горы. И когда, страшные и темные, тучи сотрясаются молниями и громом, всегда высочайшие пики принимают их ярости первые удары.

121 Bassi To the deep valley the sun arrives later, later the ice melts and the water runs. But when as usual there is thunder from angry Giove or tempest from Juno, there is no fear of anger and outrage in the steep valleys for the secure beech-tree. На долины глубокие солнце приходит позже, позже лед тает и вода течет. Но когда как обычно случается гроза от гнева Юпитера или буря от Юноны, то не так ужасен их гнев и ярость в низких долинах, не навредит и малому деревцу.

122 Pastori That's like our life – the more Fortune raises it up above the others in a glorious show, the more easily it can be made to wobble, and when struck it cruelly falls. He who enjoys a humble destiny doesn't fear wounds or the threat of death. Это как наша жизнь – чем больше Фортуна поднимает ее над остальными в славном чествовании, тем проще ее расшатать и от удара она жестоко падает. Тому, кто наслаждается скромной судьбой, не грозят раны и страх смерти.

АКТ TWO

201 Orfeo Rejoice for my birthday, golden-haired stars; rejoice, moon and sun; rejoice mountains, woods and beautiful rivers, and you, noisy millpond of salt waves and liquid crystals. Rejoice peaks and valleys. Празднуйте мой день рождения, златовласые звезды; празднуйте, луна и солнце; празднуйте, горы, леса и прекрасные реки, и ты, шумный родник, с солеными волнами и струями кристальными. Празднуйте, пики и долины.

Dance to my singing wild beasts, dance through the woods, through bushy thickets, open shores; dance happy animals; and to the rough sound of marine cymbals, dance orcas and dolphins. Танцуйте под мое пение, дикие звери, танцуйте в лесах, в зарослях кустарника, (на) открытых берегах; танцуйте счастливые звери; под громкий звон цимбал морских танцуйте... и дельфины.

Sing for my joy, running waves; sing, rivers and fountains; sing leafy, sad holme-oaks; and you, the high mountains' beautiful birds; and you answer me, Echo, from your singing cave. Пойте о моей радости, бегущие волны, пойте, реки и ручьи; пойте пушистые печальные дубы, и вы, высокогорные прекрасные птицы; и ты ответь мне, Эхо, из твоей поющей пещеры.

Today the first lovely splendours take from this sun, take today the first breaths, the first fire; today, all in circle-dances step happily and it's started already, take today the first rays! Сегодня первые дивные... возьмите от солнца, возьмите сегодня первое дыхание, первый огонь; сегодня все хороводы водите счастливо и это началось уже, возьмите сегодня первые лучи!

202 Hebro You happily sing, Orfeo, and time flies. Up, up, from heaven we call everyone who wants to enjoy themselves, today in a happy party the gods will sit in this pleasant beach. Ты счастливо поешь, Орфей, и время летит. Сюда, сюда, и небес мы созываем всех, кто хочет наслаждаться, сегодня на веселом празднике боги будут сидеть на этом милом берегу.

203 Orfeo Let Giove and Mars come. Let Apollo come and wear as adornment his golden hair of the most serene rays, just let the heavenly people come. Bacchus no, I don't want him. Vacco no, I won't invite him, because at happy parties desire and pride and often even fury are all that he excites in the heart. Пусть Юпитер и Марс придут. Пусть Аполлон придет в ореоле своих золотых волос из самых нежных лучей, пусть небесные создания придут. Вакх – нет, я не желаю его. Вакх – нет, я его не приглашу, ибо на счастливых праздниках желание и гордость, а часто что и гнев это все что он пробуждает в сердце.

204 Hebro Fauns, Silenius, satyrs and forest-folk, all of you come and rejoice with me in the green bushy den! Фавны, Силен, сатиры и лесные создания, все приходите и радуйтесь со мной в зеленых порослях кустов.

205 Orfeo Let the Shepherds come also for my joy, but you women, go far away from my joys and my desire. Just go away, unclean women, plague of the world, and poisonous flowers, meadows of pretty colours but in you is the viper's nest, and with delight you poison the hearts of mortals. Пусть и Пастухи придут мне на радость, но не женщины, уйдите подальше от моих радостей и желаний. Просто уйдите, нечистые женщины, чума этого мира, ядовитые цветы, долины прелестных цветов, но в вас гадючье гнездо, и удовольствиями вы отравляете сердца смертных.

206 Mercurio Heaven has heard, oh singing youth, your courteous invitation, and will come all together to honour you with the Celestial Choir. Only Giove will remain in heaven's furthest floor: he hates parties, he looks sick, and his heart is full of sadness. Услышало небо, о именинник поющий, твое куртуазное приглашение, и придут все обитатели восславить тебя Небесным хором. Юпитер только останется на верхнем этаже: он не любит вечеринки, он выглядит больным, его сердце полно печалью.

207 Orfeo What's the matter that makes him sad? Что вызвало его печаль?

208 Mercurio A conjunction of stars has wounded his blood with a horrible vision. But he sends tokens of immense love, instead of hateful and useless wine, these cups of divine nectar. Расположение звезд испортило ему кровь дурным виденьем. Но он посылает безмерную любовь, вместо ненавистного и бесполезного вина, эти чаши божественного нектара.

209 Orfeo I appreciate the gift, and even more than the gift, the heart [the thought]. Go, Hebro, and put this precious rich liquor safely amongst the remote stones. Я благодарен за подарок, более, чем за подарок – за сердечность. Иди, Эбро, спрячь этот драгоценный душистый напиток меж дальних камней.

210 Hebro Wherever you indicate, promptly I move my feet. Куда ты укажешь, быстро я стопы свои направлю.

211 Mercurio I will banish from the world blind Fury, who is now lodging in these hills. I'll fix it that his feet from the cave of hell don't move today until the time that the celebrations finish and tears return. Я отгоню от мира слепого Фуроре, что гнездится сейчас в этих горах. Я устрою так, что его ноги из пещеры адской не ступят сегодня до окончания пира и слезного расставания.

212 Orfeo O gracious god, this is a mercy that I need more than any other. Get away, Fury, far away; and abide only in female hearts, which are beds more sordid than hell itself. О, чудесный бог, это милость кою я желаю более всего. Уйди, Фуроре, далеко, и обитай лишь в женских сердцах, что ада самого злобнее.

213 Apollo Look, here I am as you wanted, oh beloved son, all happy and joyful. There is no golden hair of rays more prized, no diamond crown more splendid, no clothing a more beautiful mantle, when I most want the pride of beauty. But alas! In the midst of all my delight, a bitter thought transfixes my heart. Вот, я пришел как ты пожелал, о мой любимый сын, счастливый и радостный. Нет ни волос из золотых лучей ценнее, ни бриллиантовой короны прекраснее, ни одежды лучше расшитой, когда я более всего хочу ..... В центре моей радости горькая мысль берedit мое сердце.

214 Orfeo Oh, don't be disturbed in your soul by an annoying thought, oh luminous lord of the day, oh my father! Ох, не тревожь себе душу надоедливой мыслью, о сияющий лорд дня, о мой отец!

215 Apollo I know that cruel destiny with the sweet, strong and deceitful hands of beautiful women will overcome you, oh my son. Oh, follow my advice: a sweet delight which perishes in a moment – flee from it, and follow the path of Virtue. Я знаю, что злая судьба с нежными, сильными и безжалостными руками прекрасных женщин настигнет тебя, мой сын. О, следуй моему совету: сладостное удовольствие, проходящее и мимолетное, беги от него, и следуй по праведному пути.

216 Orfeo Do not fear, father, do not fear, for Love does not reign any more as it used to in my tender heart. Не бойся, не бойся, любовь не правит более, как раньше, моим нежным сердцем.

217 Apollo Just flee, just flee from women and their delights, so that perhaps to death you will not come, following faithless guides. Просто беги, просто беги от женщин и их удовольствий, дабы не прийти к смерти, следуя за неверными проводниками.

218 Orfeo I rather hate than do not love Woman, who baits with sweetness the hook. Я лучше буду ненавидеть, но не любить Женщину, не попадусь на крючок ее нежности.

219 Apollo Then let's go to make a happy start to the songs, music and dances. Look, it's resounding from the hidden valleys. And let no bad feelings disturb our joy. Тогда пойдём, дадим счастливое начало песням, музыке и танцам.

220 Satyrs Oh friends, come on, come on! Let no-one complain, come on everyone! Друзья, идите, идите, пусть никто не жалуется, идите все!

221 Satyrs Troubles are annoying in the forest, go away with you, let us have fun in a beautiful party, in the flowery heart, out of the waters, amongst beautiful nymphs.

222 Satyrs This wonderful, absolutely fragrant, absolutely divine smell of wine, will banish thirst and desire on our lips for the future. Этот чудесный, душистый, абсолютно божественный запах вина, утолит жажду и желание на наших губах надолго.

223 Satyrs Oh friends, come on, come on! Let no-one complain, come on everyone! Друзья, идите, идите, пусть никто не жалуется, идите все!

224 Satyrs Oh, if only I could find amongst these stones that sweet liquid which makes the heart happy, those tender sweet rubies, the calamity of our life. Ох, если бы могли найти меж этих камней ту сладкую влагу что делает сердце счастливым, те нежные сладкие рубины, беда нашей жизни.

225 Satyrs Let it be that the heart feels the odour, the more drops there are, the more they strike lightning, giving energy to every vein, giving the heart sweet delight. Пусть сердце почувствует аромат, чем больше капель, тем больше молний они испускают, наполняя энергией каждую вену, давая сердцу сладкую негу.

226 Satyrs Oh friends, come on, come on! Let no-one complain, come on everyone! Друзья, идите, идите, пусть никто не жалуется, идите все!

ACT THREE

301 Bacco Scorned and outraged, the father Libero? Where? By whom? By the son of Calliope. By the turbulent waters of Hebro, from his mud is made gold, a god from a little shepherd. Oh how I am inflamed with anger in my heart! Where is Fury hanging around? Презрен и опозорен отец Либеро? Где? Кем? Сыном Каллиопы. Беспокойными водами Эбро, из его грязи сделано золото, бог из пастушонка. О, как же я горю от злобы в моем сердце. Где Футоре пропадает?

302 Nisa In the infernal caves, where according to Giove's orders, Mercury* wants him to remain confined all day. (*the winged messenger of the heavens) В адских пещерах, где, по приказу Юритера, Меркурий держит его там весь день в заключении.

303 Bacco Perhaps so that he won't disturb the beautiful party, the celebrations and the happiness which the others have with Orfeo, and he has with my shame. I'll disturb it! I'll spill blood everywhere! Наверное чтоб не омрачить чудную вечеринку, празднование и счастье, что у других будет с Орфеем, а у него с моим стыдом. Я помешаю этому! Я пролью кровь везде!

304 Nisa Oh, hold back your disdain! It doesn't suit a god to have so much fury. Ох, придержи свою надменность! Не подходит богу иметь столько злобы.

305 Bacco It suits to bring death to someone who despises love. Зато подходит нести смерть тем, кто гнушается любовью.

306 Nisa A god is still peaceful, even when angry. Бог мирен даже когда гневен.

307 Bacco Bacco breathes either sweetness, or blood and death. Вакх источает либо прелесть, либо кровь и смерть.

308 Nisa Your happy clothes and face promise love. Твоя веселая одежда и лицо обещают любовь

309 Bacco The thyrus and my tigers rather revenge. Тирс и мой тигр больше подходят мести!

310 Nisa Oh, for my love, forgive! Ох, любовь моя, прости!

311 Bacco For your enemy? **Ради твоего врага?**

312 Nisa For the common good, and for the singing that is a friend to everyone. Ради общего блага и ради пения, что любо всем.

313 Bacco Don't you know, Nisa, how you are scorned? Know it from your companions; look how they run weeping through the countryside. I myself will fly up to heaven, and then to hell, to persuade Giove to send Fury where it helps me. Не знаешь ли ты, Низа, сколь ты презираема? Узнай это от твоих товарок, смотри, как они бегут, рыдая, по долине. Я сам полечу на небо и после в ад, дабы заставить Юпитера послать Футоре мне в помощь.

314 Maenads Where do you send us, oh sweet Orfeo, far away, far from the sweet song; and who will gather - alas! - sighs and tears? Куда ты отослал нас, милый Орфей, далеко, далеко от дивной песни, и кто соберет, - увьы, - вздохи и слезы?

Then with our hair loose and wild, waving and flirting with the wind, jokes with the breezes, is that what our laments are? Тогда с нашими развевающимися буйно волосами, флиртующие с ветрами, шутящие с бризами – о том ли наши стоны?

And you, what are you doing? In the thorny hand, the flower's head-crown remains broken and dry in the forest. А что ты делаешь? В лапах терний цветочная корона сломана и сохнет в лесу.

315 Nisa So Orfeo has abandoned us? Now where shall we go, unhappy? Beloved woods, oh, you answer, you guide us, for we already despair. (Let's hope. I love) If love dies in him, how shall we live? Oh, noble Echo, tell our misfortune to this cruel man. (Tell. Shame) Tell the shame of Orfeo. But what shall we sick and cowardly women do? Thus once again the soul despairs. (He dies. He was). He was the lover, now he dies. Let no-one weep anymore, no more sighs. (Breath. Anger) Anger inspires each one to revenge! What more are we waiting for? Everyone run in fury (Fury. Bitter) The bitter Furies of Hell will come first to incite the heart, then we will kill him without delay. Орфей отверг вас? И куда мы пойдём, несчастные? Любимые леса, ох, ответьте, ведите нас, ибо мы уже в отчаянии (давайте надеяться. Я люблю) Если любовь мертва в нём, как же нам жить? О, благородное Эхо, расскажи о нашем несчастье этому жестокому мужчине (расскажи. Стыд). Пристыди Орфея. Но что нам, больным и трусливым женщинам, делать? Так что, и снова, душа в отчаянии. (Он умирает. Он был) Он был любим, чейчас он умирает. Пусть никто более не стенает, никаких больше вздохов. (Дыхание. Злоба) Злоба вдохновляет каждого на месть! Чего еще мы ждем? Все, бегите в ярости! (Ярость. Горечь) Горькие Фурии ада придут сперва отравить сердце, а потом мы убьем его без промедления.

Maenads Die! Die! Die! (Die! Now!) Умри! Умри! Умри! (Умри! Сейчас!)

316 Ireno Ah, unhappy Ireno. Ah, tearful eyes which saw a spectacle so wild, how can you not close in eternal sleep! Ah, beautiful swan! Ah, sad fate that you have as prize for your singing harsh death! Ах, несчастный Ирено. Ах, полные слез глаза, кои видели представление столь дикое, как вы только не закрылись в вечном сне! Ах, прекрасный лебедь! Ах, печальная судьба что призом за твое пение стала злая смерть.

317 Lincastro Isn't this man, whose bitter-sweet crying resounds from the wood, our Ireno? Ah, yes; oh, why so much, dear shepherd, do you complain? Oh, why do you bathe your face with bitter rain, make this pleasant shore grieve with your grief, make the winds weep with your deep laments? Тот парень, чьи горько-сладкие плачи раздаются в лесу, не наш ли это Ирено? Ах, да, ох, но почему столь сильно, дорогой пастух, ты причитаешь? Почему ты орошаешь свое лицо горьким дождем, заставляешь этот ливный берег скорбеть с твоей скорбью, заставляешь ветер стонать с твоим плачем?

318 Ireno Surely you have seen, Lincastro, this pet swan, and how sweetly it would sing on the river of this flowing gold of his native water? Точно ты видел, Линкастро, того ручного лебедя, и как сладко он пел на реке, текущем золоте своих родных вод.

319 Lincastro More than a hundred times, it's always living amongst the shepherds. Больше сотни раз, он всегда живет среди пастухов.

320 Ireno Now, while it was happily singing and making joyful the gods' beautiful party, look! there comes from woods an angry gang – who would believe it – of cowardly and envious birds, who put the singing swan to a cruel death. And so great was their fury that when its limbs had been– alas! – ripped apart, each one took away what it had cut off. Сейчас, пока он счастливо пел и радовал праздник богов, смотри! Вон летит из леса злая толпа – кто бы поверил, – трусливых и завистливых птиц, кои поющего лебедя жестоко убивают. И столь велик был их гнев, что когда конечности его – увы! – были оторваны, каждая забрала с собой то, что оторвала.

321 Lincastro Ah, these are omens of impending doom, dark signs. Rather, what do I see? Alas! Let's run away, Ireno! Ах, это проклятия неизбежного зла, темные знаки. Иначе, что я вижу? Побежали, Ирено!

Here various monsters appear on the stage.

322 Ireno They are wolves, they are monsters, quivering with rage. Let's save our sheep! Они волки, они монстры, мятущиеся в гневе. Спасем наших овец!

323 Vacco If ever for our love, my angry minister, you made war with weapons, today make it so that I crown your head with a palm even more worthy. Если когда за нашу любовь, мой злой министр, ты разжигал войну с оружием, сегодня сделай это, чтоб я увенчал твою голову короной из пальмы еще более заслуженно.

324 Furore Here I am as the champion of every other time, prompt at your signal, to execute revenge, to launch darts, to inflame arrows. Вот я, чемпион всех времен, прибыл по твоему сигналу, чтоб свершить месть, зарядить дроты, поджечь стрелы.

325 Vacco Poison your face, and hate shall be the poison, at which every heart will instantly be undone. Inflame the hearts and breasts of my Menaeds, let them run spiteful and cruel to dismember Orfeo, and let the shores be covered in his blood, and his limbs ripped piece from piece. Отрави свой лик, и ненависть пусть будет тем ядом, от которого каждое сердце оборвется.

326 Furore Now, now, Vacco, you will see your revenge come to life, and Orfeo lacerated from shore to shore. Сейчас, сейчас, вакх, ты увидишь свою месть свершенной и Орфея, раскиданного от берега до берега.

327 Vacco Look there, above the mountain, they are calling the evil god with sacrifices, each armed with thyrsus and ready to receive in their hearts your flames and the poison of hell! Посмотри, над горами, они зовут своего злобного бога жертвоприношениями, каждая вооружена тирсом и готова принять в свое сердце твою пламя и яд ада.

328 Furore I'll fly, then. Я полетел.

329 Vacco And breathe hate wherever you pass, fire and anger! И изрыгай ненависть где бы ты не пролетал, огонь и злобу!

330 Pastori Oh, how many screams, oh how much is heard in these woods sighs, laments and crying. Wild monsters and blood-thirsty beasts. Ох, сколько криков, ох сколько слышно в этом лесу вздохов, стонов и рыданий. Дикая монстры и кровожадные звери.

Hebro, who has golden waves, pales at heart and weeps. Dried up and destroyed are the beautiful flowers he has on the furthestmost beaches. Эбро с его золотыми волнами бледнеет сердцем и плачет. Высохли и разрушены прекрасные цветы, что он растил на отдаленных берегах.

Some grave ruin has overcome these banks. Oh sudden flames, oh enemy hand, oh unfaithful hearts. Могильные руины заняли эти берега. Ох, неожиданный огонь, о вражеская рука, о неверные сердца!

АКТ FOUR

401 Mercurio Senators of heaven, sovereign gods, for non-trivial reasons of celestial government, Giove expects you at the eternal parliament. Сенаторы небес, владетельные боги, по необычным вопросам небесного правительства Юпитер ожидает вас в вечном парламенте.

402 Uno Therefore, be happy, illustrious semi-god. Что же, будь счастлив, знаменитый полубог!

All the Gods together, whilst the cloud rises that carries them into heaven

403 Gods Therefore, be happy, illustrious semi-god. Already, staying here for us is not any longer allowed: therefore, be happy. Что же, будь счастлив, знаменитый полубог! Уже оставаться здесь нам более нельзя: так что, будь счастлив.

404 Apollo This is your birthday's happy last hour; enjoy it joyfully, whilst the stars applaud our singing. Это твоего дня рождения счастливый заключительный час. Наслаждайся им радостно, пока звезды аплодируют твоему пению.

405 Orfeo Go to the sacred meeting of the government of the world, o great gods; and these shores and these beaches of mine, watch them sometimes with serene eyes. Alas! For at your departure, there departs from my heart all my joy, and my chest is encumbered with horror, fear and trouble. Up, sweetest lyre, make vanish this sudden sadness of mine. Up, with your singing entreat the earlier serenity to this dark heart! Ah, how my hand trembles... ah, the strings are mute... and I hear the unhappy disembodied ghost of Euridice who calls me. Where are you, my dear sweet wife? Where should I come? To the kingdom.... To the kingdom of dark death? I'm coming, I will follow you. Ah, wretched me! I can't open out one step, my feet are stuck. So I'm stuck in this dark bush, and I'll give myself shelter with the gentle shade of this fatherly laurel-tree. Идите на священное собрание Идите на священную встречу правительства мира, о великие боги, и эти берега и пляжи мои озирайте иногда безмятежным взором. Увы! С вашим уходом уходит из моего сердца вся радость, и грудь моя сжимается от ужаса, страха и беспокойства. Давай, сладостная лира, заставь исчезнуть эту внезапную тоску мою. Давай, своим пением верни былую безмятежность в это темное сердце! Ах, теперь моя рука дрожит... ах, струны тихи... и я слышу как несчастный бестелесный призрак Эвридики зовет меня. Где ты, моя дорогая милая супруга? Куда мне пойти? В царство... В царство черной смерти? Я иду, я пойду за тобой. Ах, никудашний я! Я не могу ступить и шага, мои ноги застряли. Я застрял в этом темном кусте, и я найду убежище в ласковой тени этого отца-лавра.

406 Maenads Bacco of Mount Nysa, the Liberator; Bacco, Bacco of Nysa; Bacco, Bacco, No-Worries; Jacko Bacco the Thyrsus-carrier.

407 Furore It has not yet really burst out, the fire, so it's really time now to devour the entrails: Out! Out, Fury! What are you doing? Stab, stab with the thyrsus and uncover the sword, for if I'm not mistaken, look, close by is Orfeo! Еще не в полную силу вспыхнуло пламя и пожирает оно наши внутренности. Вон! Вон, Фурии! Что вы делаете? Бейте, бейте тирсами и обнажите меч, ибо коль я не ошибаюсь, смотрите, недалеко Орфей!

408 Maenads Bacco of Mount Nysa, the Liberator; Bacco, Bacco of Nysa; Bacco, Bacco, No-Worries; Jacko Bacco the Thyrsus-carrier.

409 Maenad Stand still, companions, for I see - and I'm not deceived – a fierce wolf. Стойте, подруги, ибо я вижу – и я не обманываюсь – злобного волка.

410 Maenad Where has it gone to earth? Где он на этой земле?

411 Maenad In the dark head of that thorn-bush. В темной куще того тернового куста.

412 Maenad It's not a wolf, nor a beast, and it looks like a man, even like our enemy Orfeo. Это не волк и не зверь, и он выглядит как мужчина, даже как наш враг Орфей.

413 Maenads Bacco of Mount Nysa, the Liberator; Bacco, Bacco of Nysa; Bacco, Bacco, No-Worries; Jacko Bacco the Thyrsus-carrier.

414 Maenad So let's kill him where he is hiding! Давайте убьем его там, где он прячется!

415 Maenad So, to revenge! Let's run quickly! Во имя мести! Бежим быстрее!

416 Maenads Bacco of Mount Nysa, the Liberator; Bacco, Bacco of Nysa; Bacco, Bacco, No-Worries; Jacko Bacco the Thyrsus-carrier.

417 Calliope The desire to see my beloved son, makes me leave the pleasant hills of Pindo and Pireno. But that turbulent – alas! – pale liquid pouring out from my Hebro, not like usually, urges me to tears, to vent the sorrow. For in the midst of sweetness, bitterness is born; and hardly born, still in swaddling clothes, it impinges on my heart, that expert female-archer of sadness. O sweet, soft breezes, you who so happily whispering around go around spending a good time with Orfeo; tell him, that he should fly to this river, in order that his charming lyre should console me, and my sadness should die. Желание увидеть моего любимого сына заставляет меня покинуть мои любимые холмы Пиндо и Пирено. Но эта беспокойная – увы! – бледная жидкость, текущая из моего Эбро, не как обычно, прбуждает во мне слезы чтобы дать выход печали. Ибо среди сладости горечь рождена, но едва рождена, еще в пеленках, она посягает на мое сердце, эта лучница печали. О, сладкие нежные ветерки, вы, кто так счастливо шепчет вокруг, развлекаются с Орфеем; скажите ему, пусть поспешит к этой реке, чтобы его чарующая лира утешила меня и моя печаль умерла.

418 Fileno Pour out - alas! – most bitter eyes, most bitter streams that, gurgling, seek pity from destiny. Выплачь – увы! – горько глаза, горчайшие потоки, что, журча, ищут сострадание от судьбы.

419 Calliope Tell, Fileno, tell about your sadness. Расскажи, Филено, о своей печали.

420 Fileno Tear, oh mother, your hair; dress in brown, oh earth, your little flowers; and cover with the golden waves unhappy Hebro's shining treasure. Рви, о мать, свои волосы, одень в темное на земле свои цветы и накрой золотыми волнами несчастного Эбро, сияющую драгоценность.

421 Calliope Alas! What weak sound, with sharpest darts impinges on my heart! Ah, voice, no, but thunder, from which the black horror of lightening frightens the soul! Speak, cruel one, and do not kill me endlessly in such sad tones. Увы! Столь слабый звук острейшими стрелами пронзает мое сердце! Ах, голос, нет, но гром, из которого

черный ужас молний пугает душу! Говори, жестокий, и не убивай меня бесконечно столь печальным тоном.

422 Fileno My sadness will speak, for I cannot. Tears and sighs will speak. These woods and these hills will speak, made loquacious at the sound of my suffering, and in the blood of Orfeo, (they are made) warm and soft. Моя печаль будет говорить, ибо я не могу. Слезы и вздохи будут говорить. Эти леса и холмы будут говорить, разговорило их звучание моей печали и кровь Орфея их согрела и смягчила.

423 Calliope So, my sweet son lies in his own blood, made blood-red; oh, tell whatever the misfortune may be, and the bitter pain for me. Что же, мой милый сын лежит в своей крови, красный от нее; ох, скажи, каким бы не было несчастье и горькая боль для меня.

424 Fileno I will tell, if sadness leaves my voice with any sound, any life in my heart. Я скажу, коль печаль оставит в голосе моем какой-либо звук, какую-либо жизнь в моем сердце.

Under the shade of a beautifully garlanded laurel tree, in the lap of green and lovely little grasses; close to a little stream, to the chirping song of running, trickling waters; Orfeo was taking most elegant rest, slowing the pains of his constricted heart, and he made soft and sad songs that hardened the waves, softened the marble. В тени прекрасного раскидистого лавра, на лужайке зеленой прелестной травки, рядом с ручейком, с звенящей песней струящихся вод, Орфей вкушал блаженство отдыха, утишая боли его истерзанного сердца, и сложил он нежную и грустную песню, от которой застывали волны и размягчался мрамор.

There was the white column, the sun-tanned hand, for his rosy cheek a faithful support; he had his eyes turned upwards to heaven in vain, to heaven which is deaf to sighs and groans; the golden lyre made by insane grief to lie mute on the noisy beach, which Hebro bites into and bathes; and it seemed to say "Look at me, Orfeo, languishing at your languishing." Что белая колонна, загорелая рука для его румяной щеки была верной опорой; его глаза обращены были к небесам тщетно, к небесам, что глухи ко вздохам и мольбам; золотая лира, оставленная безумной скорбью лежать молчаливой на шумном пляже, о кой Эбро ударяется и омывает; и словно бы говорила она «Посмотри на меня, Орфей, тоскующую с твоей тоской».

With soft tears and profound sighs he was remembering meanwhile, and cursed inexorable Fate, who took from the world his love (Euridice); and sighing, he said: "Cruel Fate, certainly you have cast me down to the bottom of a deep sea of unhappy tears." He just wanted to say this, but interrupting the song and sadness, came the confused wailing of an armed gang. С тихими слезами и глубокими вздохами он вспоминал, тем временем, и проклинал безжалостную Судьбу, что забрала из мира живых его любовь (Эвридику) и, вздыхая, говорил «Злая Судьба, точно ты меня низвергла на дно глубокого моря несчастных слез». Он лишь хотел сказать это, но, прерывая его песню и печаль, пришли невнятные вопли вооруженной толпы.

Orfeo turns his tearful eyes and sees coming towards him with thyrsus unsheathed the infuriated Maenads, and he really believes that he can placate the cruel hearts of these women. He takes the abandoned lyre and plucks the golden strings to bend the ears. But in vain his hand runs, the lyre sounds; for infuriated women have hearts of stone. So whilst his hand was sweetly playing – Ah, pitiless and more than harsh emotion! – whilst with the sound the singing warbled, and from it the woods and heaven took delight,

there arrived Fury where Love had been, between the soft feathers of his sun-tanned chest; where with thousands of blows, the wicked women wounded him, so that his soul and his singing together departed. Орфей обращает свои заплаканные глаза и видит идущих к нему с обнаженными тирсами разгневанных Менад, и он действительно верит, что сможет умиротворить жестокие сердца этих женщин. Он берет оставленную было лиру и щиплет золотую струну чтоб усладить уши, но зря его рука движется и лира звучит, ибо у разгневанных женщин сердца из камня. И пока его рука прекрасно играла, - Ах, безжалостное и более чем жестокое чувство! – пока он пел с переливами, из лесов и неба черпая наслаждение, явились Фурии где Любовь была, меж мягкими завитками на его загорелой груди, где с тысячами побоев безумные женщины ранили его, так что его душа с песней вместе отлетела.

425 Calliope Ah, grief, which kills me! Death, which with a dart that is easy to throw and slow to hold back, batters two lives and divides two souls. О горе, что убивает меня! Смерть, что с дротиком, кой легко метнуть и трудно удержать, губит две жизни и разделяет две души.

426 Fileno Indeed, look, even Hebro, amongst his tears brings you, wrapped in linen, your child's face; and seems to say to the waves in doubtful sound: you sing, whilst I am mute. Действительно, видишь, даже Эбро, меж слез своих, приносит тебе, завернутое в лен, лицо твоего ребенка; и кажется что говорит оно волнам неясным звуком: ты пой, коль я утих.

427 Calliope Ah, what a sight! Ah, my son! Ah, heaven! Ah, gods! Ah, fate! You serve up to me life, to my son you give the most bitter death. Ah, my son! Who is killing you? Son, answer, oh son, that sun-tanned neck – ah! – who cut it? Ах, что за картина! Ах, мой сын! Ах, небо! Ах, боги! Ах, судьба! Ты даешь мне жизнь, моему сыну же даешь горчайшую из смертей. Ах, мой сын! Кто убивает тебя? Сын, ответь, ох сын, эту загорелую шею – ах! – кто перерубил ее?

428 Fileno In the breast – alas! – of harsh women where the heart passes in cruelty, there Fury is born and grows suddenly. В груди – увы! – грубых женщин где сердце бьется в жестокомти, Гнев родился и возрос внезапно.

429 Calliope Harsh and ingrate women, certainly you will pay the penalty for your unjust sin, for my just grief. But who will return to me meanwhile the body and torso? Грубые и неблагодарные женщины! Уж точно вы заплатите за ваш бесчестный грех, за мою честную скорбь. Но кто мне вернет тело и торс?

430 Fileno Ah, the evil murderers cut him completely piece by piece, and the dripping limbs they now go about spreading from mountain to plain. Ах, злые убийцы разрезали его на куски, и истекающие кровью конечности они сейчас разбрасывают от гор до равнин.

431 Calliope I will go, then, before grief kills me; the innocent remains of my beloved I'll gathering with sighs, tears and pains. Я пойду, пока скорбь не убила меня, невинные останки моего чада я соберу со вздохами, слезами и болями.

432 Pastori Oh, everyone gathered together from shores and from mountains, in the rivers and fountains buried sighs come reducing (inwards) in wet humour; come increasing (outwards) with hearts full of sadness. Ох, все собранные вместе с берегов и гор в руках и ручьях похороненные вздохи сливаются во влагу. Придите с сердцами полными скорби.

433 Pastori He is dead – ah! – who weeps? He is dead – ah! – who cries? The heart that surrounds the hopes of Thrace. The lyre is mute, which drew the woods; which placated the furious wrath of beasts. Он умер – ах! – кто стонет? Он умер – ах! – кто плачет? Сердце, окруженное надеждами Фракии. Лира смолкла, лежащая в лесу, что утишала гневную ярость зверей.

434 Pastori It is mute – ah! – the lyre which conquered hell, which to the kingdom of anger brought sweet government; with tremulous accents it already brought to a halt the fury of the winds, the pride of the sea; Она утихла – ах! – лира, что завоевала ад, что королевству злобы привела прекрасное правительство; трепетными звуками она остановила ярость ветров, буйство моря.

435 Pastori Now lacerated and bloodless the child lies, that flower which languishes, cut by the sun; oh, spiteful sword! Oh, cruel hand! Oh how much you have poured out wormwood and gall! Сейчас разорванный и обескровленный сын лежит, цветок, что увязает, обрезанный солнцем, ох, злобный меч! О, жестокая рука! Ох, сколько ты пролила полынной горечи и желчи!

ACT FIVE

Here it is to be noted that by Orfeo is meant the ghost of Orfeo, he being already dead. Здесь нужно заметить, что под Орфеем подразумевается тень Орфея, который уже мертв.

501 Orfeo Gracious shades of Avernus, thanks to the blocking of the beautiful lights of gold, which in the eternal orbits entwine the sun with splendid work, now you welcome me into the heart of this beautiful, pleasant beach, where amongst myrtles and amorous ferns, Euridice mingles in sweet calm her sighs will the mute sound of the river Lethe. Грациозные тени Аверна, благодаря тому, что не проникают сюда прекрасные лучи золотые, что на вечных орбитах оплетают солнце великолепной работой, сейчас вы выпускаете меня в сердце этого прекрасного приятного берега где меж миртов и папоротников Эвридика смешивает в сладостном спокойствии свои вздохи с тихим плеском реки Леты.

Now what milder and more air is there, amongst these horrible countries, which by the direct route can convey quickly my burning sighs and give news of me to my sweet Star, and tell her that Orfeo, not alive anymore, a disembodied ghost but burning with the sweet rays, comes to her, and will never leave. Сейчас мягче и благочестивей воздух здесь, меж ужасных окрестностей, что напрямую может доставить мои пламенные вздохи и и принести новости обо мне моей милой Звезде, и сказать ей, что Орфей, не живой более, бестелесный дух, но горящий нежными лучами, идет к ней, и более не покинет.

502 Caronte What ghost do I hear in these caves of Avernus resounding sweetly? Others lugubrious and sad descend down here, for it's heavy for them to leave heaven; this one rejoices! Now say, who are you? Ghost who sings to the sound of so many Alas! Что за духа голос я слышу здесь в пещерах Аверна, раздающийся сладко? Другие траурные и печальные спускаются сюда, ибо тяжело им покидать небо; этот же рад! Сейчас скажи, кто ты? Призрак, что поет о столь многих скорбях!

503 Orfeo Don't you recognise Orfeo, Caronte? Look, I've arrived as a disembodied ghost at the common port where I already descended whilst alive. Now the prison is broken, I've got here dead; let me pass, please, to the other shore; and show me that field where happy in the lap of thousands of flowers Euridice rejoices. Ты не узнаешь Орфея, Харон? Смотри, я пришел как бестелесный дух в общую гавань, куда я уже спускался еще будучи жив. Сейчас тюрьма сломана, я пришел сюда мертвецом; разреши мне переправиться, пожалуйста, на другой берег; и покажи мне то поле где счастливая меж тысяч цветов Эвридика радуется.

504 Caronte Once again you are dreaming! Still as a cold ghost you carry in your heart amorous fire. Euridice is staying in a place impenetrable and hidden. Just throw away amongst these shadows all your hopes, widowed inhabitant of the cold deserts. И снова ты мечтаешь! Все так же, уже хладным духом, ты несешь в своем сердце любовное пламя. Эвридика живет в месте неприступном и скрытом. Просто выбрось в эти тени все свои надежды, вдовствующий обитатель хладных пустошей.

505 Orfeo Oh, don't disturb, Caronte, with such harsh answers my joy. Just get me across the river, so that soon I will see on its horizon the living Sun dead, at my death rise again. Ох, не мешай, Харон, столь грубым ответом моей радости! Просто перевези меня через реку, чтобы я увидел на ее горизонте живое Солнце мертвым, в моей смерти снова поднимающееся.

506 Caronte Just go wandering around like a vagabond, desperate soul, to the other beach. There is no passage for you, no secure abode: until your lacerated and scattered body is re-united, buried and burnt. Просто иди, броди тут как скиталец, отчаянная душа, к другим пляжам. Нет переправы для тебя, нет обители: пока твое разорванное и разбросанное тело не собрано, похоронено и сожжено.

507 Orfeo Ah, hard and bitter voice! Ah, delay, even more bitter than death! Ах, жесткий и горький голос! Ах, промедление, что горше чем смерть!

508 Mercurio What are you complaining about, Orfeo? And your sad brow? You tread with malignant footsteps the beaches of hell? Heaven is waiting for you, and you amongst eternal crying attempt the passage of painful exile? Leave the fields of death and the crying ghosts of hell; amongst the heavenly heroes you will have a shining throne, and your golden hair will shine with gold and with the burning rays. На что ты жалуешься, Орфей? И чело твое грустно? Ты злобно топашь по пляжам ада? Небо ждет тебя, и ты меж вечных плачей собрался в путь к болезненному изгнанию? Оставь долины смерти и плачущих духов ада; меж небесных героев у тебя будет сияющий трон, и твои золотые волосы будут сиять золотом и горячими лучами.

509 Orfeo Forgive me, Heaven's happy messenger. I prefer to suffer in Averno with Euridice, rather than without her in heaven to rejoice eternally. Прости меня, Небес счастливый посланник. Я предпочту страдать у Аверна с Эвридикой, чем на небе наслаждаться вечно.

510 Mercurio Ah, you are dreaming, if you believe that Euridice still loves you and recognises you; amongst these smoky fields she drank a long forgetting of the ancient desire. Oh, with me to heaven, happy soul, come back! Ах, ты мечтаешь, коль ты веришь, что Эвридика все еще любит и узнает тебя; меж этих дымных полей она испила желанного забвения для прошлого желания.

511 Orfeo Oh, let me first see my delightful wife, for whom I formed so many sweet sighs, for whom it was dear, happy to die. Ох, прежде позволь мне увидеть мою прекрасную жену, для кого я сложил столько сладких вздыханий, для которой мне было любо и счастливо умереть.

512 Mercurio You want her to disenchant your fury? Caronte, bring your boat alongside, now now I will draw her out from Elysium. Ты хочешь чтобы она освободила от иллюзий твою страсть? Харон, подай лодку, сейчас я извлеку ее из Элизима.

513 Caronte But you will not land, perverse soul! Just go around somewhere else, and give up singing, and learn to make, wretched soul, cries. And if you really still have the desire to sing, count the pauses of my oar. Но ты не сойдешь на берег, извращенная душа! Иди себе куда-нибудь в другое место, забудь про пение, и научись, негодная душа, плакать! И коль у тебя все еще останется желание петь, считай паузы моего весла.

514 Orfeo Ah, unhappy Orfeo! Oh, spiteful fate! You hold me up as a horrible trophy, and give me death again, after death. Ах, несчастный Орфей! О, злая судьба! Ты держишь меня как ужасный трофей, и даешь мне снова смерть, после смерти!

515 Mercurio Look, here is your Euridice, look at her, Orfeo! Смотри, вот твоя Эвридика, смотри на нее, Орфей!

516 Orfeo There is no more beautiful and lovely, whatever most lovely torches there may be in heaven. But really you are harsh, cruel, to keep my arms far away from my desire. Нет ничего более прекрасного и милого, даже прекраснейшие из огней, что могут быть на небе. Но действительно ты груб и жесток, коль удержишь меня вдали от моего желания.

517 Euridice Mercurio, who is this lunatic, who in the ice of death burns with love? Меркурий, кто этот сумасшедший, кто во льдах смерти сгорает от любви?

518 Mercurio So, you don't recognise the man who died for you, and who praises your beauty above every other? Ты что же, не узнаешь мужчину, что умер для тебя и кто превозносит твою красоту надо всем?

519 Orfeo Euridice, my love, here is Orfeo, who was already so dear (in former times) to your eyes, the famous semi-god. Эвридика, любовь моя, это Орфей, кто был уже так дорог твоим глазам, знаменитый полубог.

520 Euridice Oh, you are dreaming. Oh, you are mad. I didn't know any Orfeo, never saw him ever, nor do I want to see him. I neither hate him nor love him. Remain in peace, I'm going back to the sweet rays of the happy Elysium, that's what I desire. Ах, ты бредишь. Ох, ты сошел с ума. Я не знаю никакого Орфея, никогда не видела и не желаю видеть его. Я не ненавижу его и не люблю. Оставайся с миром. Я уйду назад в сладостный свет счастливого Элизима, этого я желаю.

521 Orfeo Where are you fleeing to, cruel? Where do you leave me? Harsh, spiteful and wild, Euridice, Euridice! Куда ты улетаешь, жестокая? Где ты меня оставляешь? Грубо, жестоко и дико, Эвридика, Эвридика!

522 Mercurio Now she is not what she was, your wife, wretched lover. But don't fear, drink safely the foaming liquid that I offer you, and you will see, made serene again in your mind, the rays. Сейчас она не то, чем была, твоя жена, несчастный влюбленный. Но не бойся, пей спокойно пенный напиток что я тебе предлагаю и ты увидишь, умиротворенным сознанием снова, лучи.

523 Caronte Drink, drink safely the foaming liquid, which from Lethe peacefully floods. Let everyone who is thirsty drink, the serene liquor of Lethe. No more death, no more destiny, free from sorrow, full of pleasure. Let everyone who is thirsty come and drink! Пей, пей пенную жидкость, что в Лете мирно течет. Пусть любой, кто жаждет, выпьет успокаивающую влагу Леты. Нет больше смерти, нет больше судьбы, свободны от горя, полны радости. Пусть любой, кто жаждет, придет и выпьет!

Drink, drink these crystals, which flow along through the valleys. Drink this silver, which will not make you suffer torment. No more death, no more destiny, free from sorrow, full of pleasure. Let everyone who is thirsty come and drink! Пей, пей эти кристаллы, что текут меж долин. Пей это серебро, что не заставит тебя страдать в муках. Нет больше смерти, нет больше судьбы, свободны от горя, полны радости. Пусть любой, кто жаждет, придет и выпьет!

Drink, drink this liquor, whoever feels wounded in the heart. Let him drink, who wants from his heart amongst the troubles to feel delight. No more death, no more destiny, free from sorrow, full of pleasure. Let everyone who is thirsty come and drink! Пей, пей эту

жидкость любой, кто ранен в сердце. Пусть он выпьет, коль хочет в своем сердце меж невзгод почувствовать радость. Нет больше смерти, нет больше судьбы, свободны от горя, полны радости. Пусть любой, кто жаждет, придет и выпьет!

524 Orfeo Oh how pure, serene, how sweet and clear light dawns on the soul! No cloud of sorrow, nor toxic anger, nor storm of fury any more moves around my heart, and I am not pressed by love's heavy load. О, сколь чист, умиротворен, сколь сладок и прозрачен свет зари в душе! Нет ни облака горя, ни ядовитой злобы, ни бури гнева и иного движения вокруг моего сердца. И я не сгибаюсь под тяжким гнетом любви.

525 Mercurio Now, follow my flight, happy soul, to the sublime sphere. Now at last should be made to die that pleasure which gives life to your desire. Сейчас иди за моим светом, счастливая душа, к высшим сферам. Сейчас должно умереть то удовольствие, что дает жизнь твоему желанию.

526 Caronte So many times in Hell, and you return, and you leave, soul that is fond of singing, and in singing an obstinate magician! Now leave once and for all, and don't return, neither to look, nor to sing. For if you return, for sure I promise you by the spirit of Aletto to chase you into a corner, made an immobile hulk with the stick. Столь много раз в Аду, то ты возвращаешься, то уходишь, душа, что так любит петь, и в пении своем настойчивый волшебник! Сейчас иди отсюда, раз и навсегда, и не возвращайся, ни посмотреть, ни петь. А коль вернешься, будь уверен, клянусь духом Алектто (богиня мщения, Эриния), я загоню тебя в угол и запру там, подперев палкой.

527 Pastori Still fog clouds our minds; cease, cease – alas! – with long, bitter grief to disturb heaven's most serene rays. Orfeo is already not dead, but lives in heaven, as a celestial semi-god. Все еще туман смущает наши умы, увы, с долгой горькой скорбью беспокоит неба дивные лучи. Орфей уже не мертв, но живет в небесах, как небесный полубог.

Two from the choir of Shepherds, whilst the heaven opens Двое из хора пастухов, в то время как небо открывается.

528 Pastori Look, amongst the most beautiful divine flights of heaven, how now lightening and shining torches make orbit, flashing at the golden hair. And it seems that the Starry Lyre pacifies Giove's thundering and lightning anger. Посмотри, меж прекраснейших божественных просторов неба, как уже молнии и сияющие огни кружатся, вспыхивая, в золотых волосах. И кажется что Звездная Лира успокаивает Юпитера громовой гнев.

529 Pastori No more, no more laments; no more, no more complaints! The rays are not extinguished, they have arrived in heaven as a lucky veil. Orfeo lives again, not on earth, but on the ethereal shores. Не надо, не надо больше плачей, не надо больше жалоб. Лучи не погасли, они вернулись на небо чудной вуалью. Орфей снова жив, не на небе, но на вечных берегах.

530 Giove There from the centre to the most luminous throne of heaven, amongst fortunate heroes, Orfeo, here you may rest, a new god for Thrace, for the beaches of Eoi. And already, incline your ears, and piously gather mortals' wishes and chase away their difficulties. In heaven, on earth meanwhile, let there be heard happy and festive and sweet song. Fosforo, you who in heaven are the first to announce the day, give a propitious start to the ornamented singing. Вон, в центре самого яркого трона небес, меж удачливых

героев, Орфей, здесь ты можешь отдохнуть, новый год Фракии, для берегов Эоса. И уже, обратившись слух, и благочестиво собирает пожелания смертных и отгоняет их проблемы. В небе, на земле, тем временем, пусть будет слышна радостная и праздничная сладкая песня. Фосфоро, ты, кто в небе первый объявляешь день, дай милостивый старт затейливому пению.

531 Fosforo Come, oh beautiful stars, shining servant-girls of the sun! Decorate blonde hair and golden tresses for our semi-god of the beautiful rubies. Придите, о прекрасные звезды, сияющие прислужницы Солнца. Украсьте белые волосы и золотые локоны нашего полубога прекрасными рубинами.

532 Gods Orfeo is already not dead, but lives in heaven, as a celestial semi-god. Орфей уже не мертв, но живет в небе, как небесный полубог.

533 Fosforo You, rich Spring, treasure-holder of flowers, of crocus and buttercups, of white lilies and roses; weave for Orfeo a beautiful mantle. Ты, богатая Весна, хранительница цветов, крокусов и примул, белых лилий и роз, сотки для Орфея прекрасную мантию.

534 Gods & Shepherds Oh glorious god, oh fortunate hero, happy semi-god! О, славное божество, о удачливый герой, о счастливый полубог!

535 Fosforo And you, Graces, who unburden heaven from the dark veil, with your eternal lights, make serene again the sight for our Orfeo, who burns above all other. И вы, Грации, кто освобождает небо от темной вуали своими вечными огнями, создайте снова безмятежный вид для нашего Орфея, кто сияет ярче всех иных.

536 Shepherds Orfeo lives again, not on earth, but on the ethereal shores. Орфей жив снова, не на земле, но на вечных берегах.

537 Fosforo But you, singing divas, not be too lazy to sing! With clear and sweet accents, make heard on earth resounding caves and chirping winds. Но вы, поющие дивы, не ленитесь петь! С чистыми и сладкими штрихами, пусть слышно будет на земле, как звенят звезды и ведут трели ветерки.

538 Gods & Shepherds Fortunate semi-god, as the prize for your singing you have in heaven a starry robe, eternal glory, an equal trophy. Fortunate semi-god! Удачливый полубог, как приз за твоё пение будет тебе в небе платье, расшитое звездами, вечная слава, достойный трофей!

539 Gods To heaven you ascend with singing wings, taking away from death, by dying, its passions. Now singing of heaven, ornamented with stars, you soften Fate, when he is harsh. В небо ты поднимись на поющих крыльях, забирая у смерти, умирая, её страсти. Сейчас, распевая в небе, украшенный звездами, ты смягчаешь Судьбу, когда он груб.

540 Gods & Shepherds Oh glorious god, oh fortunate hero, happy semi-god! Fortunate semi-god, as the prize for your singing you have in heaven a starry robe, eternal glory, an equal trophy. Fortunate semi-god! О, славное божество, о удачливый герой, счастливый полубог! Удачливый полубог, как приз за твоё пение будет тебе в небе платье, расшитое звездами, вечная слава, достойный трофей!

